

В Большом зале Дома музыки прошел первый открытый концерт Бах с Красных холмов

Новый концертный зал Москвы принял первых посетителей. Давали си-минорную Мессу Баха. За пультом стоял знаменитый Кент Нагано, с недавних пор являющийся членом дирижерской коллегии Российского национального оркестра. Несмотря на некоторую неразбериху с покупкой билетов, пустых мест в Доме музыки на Красных холмах практически не было.

Известия - 2003 - 1 апр - с. 13.

Екатерина БИРЮКОВА

С одной стороны, баховская Месса к открытию нового храма искусств — идея очень эффектная. Она хорошо сочетается с величественными далями Москвы-реки, видными сквозь прозрачную архитектуру Дома музыки, и с ведущей к зданию внушительных масштабов, пусть и недостроенной еще лестницей. Да и охранник в военной форме, так отличающий Дом музыки от старой, беззащитной и интеллигентной Консерватории, выглядит гораздо выразительнее и драматичнее, когда он, прислонясь в партере к дверному косяку, внимает музыке Баха.

К тому же участие Российского национального оркестра и знаменитого маэстро Нагано поднимало эту идею на очень европейскую высоту. Другое дело, что понятия об этой высоте у всех разные — особенно если речь идет о Бахе. Это на Западе тирания аутизма (то есть методики исполнения барочной музыки на старинных инструментах и в соответствующей стилистической манере, которая на деле своим радикализмом напоминает настоящий авангард) считается модой прошлого века. Это там сейчас принято говорить, что настало время

синтеза и что совершенно нормально, если за Баха берется такой замечательный дирижер, как Нагано, никогда к стану аутентистов не принадлежавший (через неделю, к слову, Нагано исполняет ту же самую Мессу со своим Берлинским симфоническим оркестром).

У нас же этой тирании никогда не было, и снисходительно говорить об утихающей моде на аутизм — это все равно что считать, к примеру, перегибы политкорректности прошлым днем нашей общественной жизни. В ситуации, когда одна часть нашей публики по-прежнему ждет от Баха могучего караяновского пафоса, а другая, воспитанная на новых записях, — холодной, отточенной стильности, Кент Нагано со своим «синтетическим» подходом к Баху попал в ситуацию «ни вашим, ни нашим». Отчего все категории публики должны были по идее расколоться с концерта слегка неудовлетворенными.

Ситуацию эту усилила заведомая компромиссность и разношерстность исполнительского состава, который был отобран для Мессы явно второпях и из того, что было под рукой. Российский национальный оркестр, очень важной группой которого в данном случае оказались его

ВИКТОР АХЛОНОВ

Дирижер Кент Нагано ступил на неизведанную сцену нового концертного зала Москвы

отличные духовики, был самой подходящей, но всего лишь частью этого состава.

Над ним нависал могучий хор Владимира Минина (зачем-то усиленный совершенно неслышным хором Института имени Шнитке), который пел скорее по старинке, тем жирным «русским» звуком, кото-

рым он привык петь Свиридова и Рахманинова.

Молодые солисты, набранные кто откуда, напротив, старались петь скорее по-европейски. Из них только Яну Иванилу можно было назвать специалистом в барочном репертуаре, но ни она, ни остальные пятеро (Виктория Смирнова,

Елена Буланькова, Михаил Губский, Андрей Бреус, Александр Виноградов) не смогли своим исполнением серьезно украсить музыку Баха. За некоторые номера, например за знаменитую альтовую арию *Agnus Dei*, было просто обидно — Буланькова спела ее так аккуратно и дипломатично, что практически ни од-

ного звука не было слышно. И поскольку хор был заведомо сильнее солистов, то борьба у них вышла неравная, и Бах получился сильно обрусевший, гулкий и вязкий (этому способствовала и акустика нового зала).

Тем не менее именно хоровые номера стали опорой для дирижерской концепции Нагано. Если не их саунд, то хотя бы темпы, динамика, жесткие контрасты и завидная энергетика выдавали присутствие современно мыслящего маэстро за пультом. Судя по всему, Нагано явно не собирался разводить в музыке никаких очевидных трагедий. В самых чувственных эпизодах он обошелся без рыданий и соплей. Его интересовала в первую очередь архитектура музыкального текста, за которой должна была неброско, как бы сама собой проступать его этическая составляющая.

Но, честно говоря, не так просто было отделить собственно дирижерскую мощь маэстро Нагано от той неблагоприятной ситуации, которую ему пришлось разруливать. Не покидало ощущение, что Нагано, не очень вникая в российскую специфику, решившись с несколькими репетициями и после не слишком серьезного кастинга одолеть с нашими исполнителями баховскую машину, сгорая взялся за то-то, что оказалось выше его сил. Примерно как если бы он согласился на некоторое время сесть в кресло Александра Ворошило и поуправлять за него Домом музыки на Красных холмах.